

ВИДОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛА В УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА (ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ)

Aspectual Characteristics of the Verb in Russian Textbooks
for Foreigners in the Second Half of the 18th - the Beginning
of the 19th Century (French Tradition)

Леонид Викторович Московкин
moskovkin.leonid@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Сергей Васильевич Власов
vlasovsv7@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Leonid V. Moskovkin
moskovkin.leonid@yandex.ru

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Sergey V. Vlasov
vlasovsv7@gmail.com

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 08.10.2018

Fecha de evaluación: 19.10.2019

Cuadernos de Rusística Española n° 15 (2019), 177 - 191

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются видовые характеристики русского глагола в учебниках русского языка для франкоговорящих учащихся Ж.-Б. Ж. Шарпантье и Ф. де Мариньяна (1768), Ф. В. Каржавина (1791), Ж.-Б. Модрю (1802, 1808), а также в анонимной «Новой российской грамматике» (1788). Установлено, что авторы этих учебников и учебных пособий, кроме автора "Новой Российской грамматики" 1788 г., опирались на описание видовых характеристик глагола в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755), но при этом по-своему их интерпретировали, стремясь сделать их более понятными для учащихся. Каждый из них предлагал свой вариант систематизации глагольных форм, и кроме того, авторы-французы использовали в своих учебниках знакомую французским учащимся грамматическую терминологию. Таким образом, эволюция представлений о виде русского глагола в учебниках русского языка для франкоговорящих была обусловлена педагогическими соображениями. Анонимный автор "Новой российской грамматики", которая исследуется впервые, опирался на грамматическую концепцию

В. Е. Адодурова: он выделил три времени и два вида, тем самым предвосхитив дальнейшие теории видов русского глагола.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика обучения, история преподавания русского языка, вид глагола, учебники, грамматическая терминология

ABSTRACT

The article deals with aspectual characteristics of the verb in Russian language textbooks for French-speaking students of J.-B. J. Charpentier and F. de Marignan (1768), F. V. Karjavine (1791), J.-B. Maudru (1802, 1808), as well as anonymous "New Russian Grammar" (1788). The authors of these textbooks relied on the description of the verb in the "Russian grammar" of M. V. Lomonosov (1755), but at the same time interpreted them in their own way, trying to make them more understandable for students. Each of them offered his own version of the systematization of verbal forms. The French authors used grammatical terms familiar to French students. Thus, the evolution of ideas about verbal aspects in the Russian textbooks for French-speaking students was due to pedagogical considerations. The anonymous author of the "New Russian Grammar", which is being analyzed for the first time, was based on grammatical ideas of V. E. Adodurov: he distinguished three verbal tenses and two aspects, thereby anticipating further theories of Russian verb aspects.

Keywords: Russian as a foreign language, methodology of teaching, history of teaching Russian language, verbal aspects, textbooks, grammatical terminology

ВВЕДЕНИЕ

Исследованию видовых характеристик русского глагола в грамматических трудах XVIII – XIX вв. посвящен ряд научных публикаций (Mazon 1913, 1958; Vinogradov 1947; Maslov 1984, 1993; Archaimbault 1999a, 1999b; Klubkova, Klubkov 2003; Rönkä 2005; Klubkov 2011 и т. д.), однако в них недостаточно полно рассматривается вклад, который внесли в формирование представлений о видах глагола авторы учебников русского языка как иностранного. Так, не получил подробного описания процесс формирования представлений о видах глагола в постломоновских учебниках русского языка для франкоговорящих учащихся, так называемая французская традиция ломоносовской грамматики (термин Р. Ренкя), рассмотренная только в работах С. Аршембо и Р. Ренкя и только на материале грамматик Ж.-Б. Ж. Шарпантье и Ф. де Мариньяна (1768) и Ж.-Б. Модрю (1802). Еще никем из историков русской грамматической мысли не исследовались видовые характеристики глагольных времен в анонимной «Новой российской грамматике» (*Novaya rossijskaya grammatika 1788*)¹ и в «*Remarques sur la langue russe et sur son alphabet*» (Заметках о русском языке и его алфавите) Ф. В. Каржавина (Karjavine 1791).

В основе настоящего исследования лежит предположение о том, что формирование представлений о видах русского глагола было результатом интенсивного интеллектуального труда грамматистов XVIII – начала XIX вв., среди которых были и авторы учебных грамматик русского языка, причем немаловажную роль сыграли идеи авторов учебников и учебных пособий по русскому языку для франкоговорящих учащихся.

1. Авторство «Новой российской грамматики» в библиографических трудах традиционно приписывается купцу Ивану Астахову, однако анализ документов Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ) позволил установить, что И. Астахов не был её автором: он всего лишь оплатил её издание (Vlassov 2013: 88).

Цель исследования – проследить эволюцию представлений о видах русского глагола в учебниках русского языка для франкоговорящих учащихся, опубликованных в постломоновский период (во второй половине XVIII – начале XIX века).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили учебник русского языка Ж.-Б. Ж. Шарпантье и Ф. де Мариньяна (Charpentier & Marignan 1768), учебное пособие Ф.В. Каржавина (Karjavine 1791), учебники Ж.-Б. Модрю (Maudru 1802; Maudru 1808), анонимная «Новая российская грамматика» (Novaya rossijskaya grammatika 1788).

Методы исследования – критический анализ и сопоставление разделов, посвященных описанию системы глагольных времен в указанных учебниках и учебных пособиях. Отправной точкой исследования послужило описание глагола в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (Lomonosov 1952).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Видовые характеристики глагола в «Российской грамматике» Михаила Васильевича Ломоносова (1755)

В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова в §§ 259–260 выделяются первообразные и производные, простые и сложенные (сложные) глаголы. Глаголы первообразные и производные терминологически не связываются Ломоносовым с античной акциденцией вида (*species*), а глаголы простые и сложенные с акциденцией начертания (*figura*). В отличие от славянской грамматики Мелетия Смотрицкого (Смотрицкий 1648: 183), термины «вид» и «начертание» в «Российской грамматике» Ломоносова отсутствуют. Однако Ломоносов выделяет видовые характеристики времен русского глагола, которые он рассматривает как добавочные характеристики времени.

В § 263 наставления четвертого «Российской грамматики» перечислены следующие глагольные времена: 1) настоящее (*трясу, глотаю, бросаю, плещу*); 2) прошедшее неопределенное (*трясъ, глоталь, бросаль, плескаль*); 3) прошедшее однократное (*тряхнулъ, глотнулъ, бросилъ, плеснулъ*); 4) давно прошедшее первое (*тряхиваль, глатывал, брасываль, плескиваль*); 5) давно прошедшее второе (*бывало трясъ, бывало глоталь, бросаль, плескаль*); 6) давно прошедшее третье (*бывало трясываль, глатываль, брасываль, плескиваль*); 7) будущее неопределенное (*буду трясти, стану глотать, бросать, плескать*); 8) будущее однократное (*тряхну, глотну, брошу, плесну*); 9) прошедшее совершенное (*написаль*); 10) будущее совершенное (*напишу*). Как можно заметить, в названиях ряда глагольных времен у Ломоносова отражаются их видовые характеристики:

— однократность действия (прошедшее однократное: *тряхнулъ, глотнулъ, бросилъ, плеснулъ*; будущее однократное: *тряхну, глотну, брошу, плесну*);

- неопределенность протекания действия (прошедшее неопределенное: *трясь, глоталь, бросаль, плескаль*; будущее неопределенное: *буду трясти; стану глотать, бросать, плескать*);
- совершенность (завершенность) действия (прошедшее совершенное: *написаль*; будущее совершенное: *напишу*) (Lomonosov 1952: 480).

В § 264 Ломоносов комментирует их и, кроме того, указывает на дополнительные видовые характеристики прошедшего неопределенного и трех давнопрошедших времен, в частности, на длительность или многократность действия («некоторое деяния продолжение или учащение»): «Прошедшее неопределенное время заключает в себе некоторое деяния продолжение или учащение и значит иногда дело совершенное: *Гомерь писалъ о гнѣве Ахиллесове*; иногда несовершенное: *онъ тогда ко мнѣ пришолъ, какъ я писалъ*; прошедшее однократное значит деяние, совершенное однажды; давнопрошедшие времена заключают в себе учащение или продолжение, как прошедшие неопределенные, и имеют знаменованіе одно старее другого; будущее неопределенное значит будущее деяние, котораго совершение неизвестно; будущее однократное значит деяние, которае только однажды совершится; прошедшее и будущее совершенное значат полное совершение деянія» (Lomonosov 1952: 480–481).

Десятичленная система глагольных времен Ломоносова неоднократно критиковалась в лингвистической литературе. Так, известный славист Е. Ф. Карский писал: «Главным недостатком грамматики Ломоносова является неполная продуманность схем, особенно тех, в какие уложены глагольные формы. Очевидно, Ломоносова сбивали латинские, греческие и вообще спряжения иностранных языков, где «виды» глаголов не имеют такого выдающегося значения, как в русском языке» (Kariskij 1926: 11). Однако достоинством ломоносовской системы глагольных времен было указание их видовых характеристик, хотя они и не представляют собой оппозиций, удобных для презентации глагольных времен в иностранной аудитории. Впрочем, «Российская грамматика» Ломоносова и не была адресована иностранцам.

Несмотря на это, «Российская грамматика» легла в основу большинства постломоносовских учебников русского языка не только для русских, но и для иностранных учащихся. Об этом прямо пишут в предисловиях авторы учебников русского языка для французов (Charpentier, Marignan 1768), немцев (Rodde 1773) и поляков (Lubowicz 1978). Так, например, Ж.-Б. Ж. Шарпантье отмечал, что, создавая учебник русского языка для французов, он перевел на русский язык «Российскую грамматику», но в дальнейшем, признав этот перевод неудачным, включил в свой учебник грамматический очерк русского языка, созданный Ф. де Мариньяном также на основе грамматики М. В. Ломоносова (Charpentier, Marignan 1768, Предисловие: f.5 r-v).

2. Видовые характеристики глагола в учебнике русского языка Жана-Батиста Жюда Шарпантье и Франсуа де Мариньяна «*Éléments de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage*» (1768)

Несмотря на то, что в предисловии к «*Éléments de la langue russe*» утверждается, что глава «О глаголах» воспроизводит «нога в ногу» (*piéd à piéd*) грамматику Ломоносова, Шарпантье и Мариньян упрощают сложную систему десяти глагольных времен Ломоносова до восьми, давая некоторым из них другие названия как на французском, так и на русском языке, что особенно интересно с точки зрения метаязыка описания русского глагола в учебниках русского языка как иностранного.

Осмысление русских времен в учебнике Шарпантье и Мариньяна осуществляется исходя из представлений о временах французского глагола, заимствованных из французской философской грамматики аббата Габриэля Жирара (*Girard 1747*). Это не перевод ломоносовского текста, а адаптация системы глагольных времен из «Российской грамматики» Ломоносова к привычным для французов представлениям о временах французского глагола.

В грамматике Ломоносова, вслед за французскими грамматиками-философами, приводится рассуждение о трех основных ("естественных") временах. Это общее место французской философской грамматики повторяется и у Шарпантье и Мариньяна. Но далее они производят деление времен на простые и сложные, относительные и абсолютные. Первое из них навеяно традиционной французской грамматикой, в которой выделяются времена простые и сложные. Второе деление идет уже из французской философской грамматики аббата Жирара.

Система относительных и абсолютных времен не свойственна русскому глаголу (ее нет и у Ломоносова). Аббат Жирар называет абсолютными временами времена, которые «представляют время события только сравнением со временем речи» (*«lorsqu'ils représentent le temps de l'événement par la seule comparaison avec celui où l'on parle»* (*Girard 1747, t. 2: 25*), а относительными временами те, которые употребляются, «когда сравнивают время события не только со временем речи, но также со временем какого-нибудь другого события» (*non seulement avec le temps de la parole mais encore avec celui de quelqu'autre événement*) (*Girard 1747: ibid.*)

Видовые характеристики прошедших и будущих времен, четко обозначенные Ломоносовым, не учитываются Шарпантье и Мариньяном, которые вводят формально-грамматическое деление ряда прошедших и будущих времен русского глагола по признаку «простое» / «сложное» (составное) время, более привычному для метаязыка французской грамматики.

Исходя из педагогических соображений простоты изложения и употребительности языковых форм, Шарпантье и Мариньян удаляют из ломоносовской системы времен русского глагола два малоупотребительных давнопрошедших времени – «давнопрошедшее второе» (*бывало трясъ, бывало глоталь, бросаль, плескаль*) и «давнопрошедшее третье» (*бывало трясываль, глатываль, брасываль, плескиваль*).

«Прошедшее однократное» у Ломоносова (*тряхнул, глотнул, бросил, плеснул*) названо по-русски в грамматике Шарпантье и Мариньяна «прошедшим простым» (*Prétérit simple*), а «прошедшее совершенное» («*написаль от пишу*») – «прошедшим сложным» (*Prétérit composé*). Соответственно, «будущее однократное»

у Ломоносова (*тряхну, глотну, брошу, плесну*) именуется в «Основах русского языка» «будущим простым» (*Futur simple*), а «будущее совершенное» (*напишу*) – «будущим сложным» (*Futur composé* по-французски).

В этих терминологических новациях Шарпантье и Мариньян верно подметили соответствие приставочных («сложных» по их терминологии и «совершенных» по Ломоносову) форм русского глагола по видовому признаку завершенности действия «сложным» (составным) временам французского глагола – *Passé (Prétérit) composé* и *Futur composé (Futur antérieur)*.

«Прошедшее неопределенное» по Ломоносову (*трясь, глоталь, бросаль, плескаль*) названо Шарпантье и Мариньяном по-русски «прошедшим несовершенным» (по-французски *Imparfait*), что не только дословно соответствует французскому традиционному названию соответствующего времени, но и отражает видовую характеристику «прошедшего несовершенного» в русском языке. Впрочем, и в немецком переводе Стаффенгагена «Российской грамматики» Ломоносова (Lomonosow 1764), и до этого перевода в доломоносовских грамматиках прошедшее неопределенное получает латинское название *Imperfectum*. Следует обратить внимание на то, что у Шарпантье и Мариньяна уже имплицитно содержится противопоставление по совершенному / несовершенному виду двух времен – *Imperfectum* (дословно: прошедшее несовершенное) типа *бросаль* и *Praeteritum perfectum* (дословно: прошедшее совершенное) типа *написаль*.

С терминологией Ломоносова совпадают лишь названия трех остальных удержанных ими в глагольной системе русского языка времен – *Présent* «настоящее» (*трясу, глотаю, бросаю, плещу*), *Plus-que-parfait* «давно прошедшее» (*тряхиваль, глатываль, брасываль, плескиваль*) и *Futur indéterminé* «будущее неопределенное» (*буду трясти; стану глотать, бросать, плескать*).

Таким образом, авторы учебника русского языка для французов «*Éléments de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage*» хотя и опираются на «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, по сути предлагают новую интерпретацию видовых характеристик русских глагольных форм, в которой простые времена противопоставлены сложным.

Р. Ренкя полагал, что Шарпантье недостаточно глубоко осмыслил грамматические идеи М. В. Ломоносова (Rönkä 2005: 203), однако следует признать, что авторская позиция Шарпантье и Мариньяна была обусловлена педагогическими соображениями – стремлением упростить представление видо-временной системы русского глагола и сделать ее более доступной для осмысления и усвоения французскими учащимися, в данном случае путем указания на составной характер образования «сложных» времен.

Использование французской грамматической терминологии в учебнике Шарпантье и Мариньяна могло иметь и другое предназначение: в XVIII в. французский язык был наиболее изучаемым иностранным языком в Европе, и изучение грамматики русского языка при помощи французской терминологии расширяло адресат этого учебника. Не случайно, учебник Шарпантье и Мариньяна во второй половине XVIII – в начале XIX в. оказался наиболее востребованным учебником русского языка как иностранного: он выдержал 4 издания (1768, 1791, 1795, 1804).

Анализ раздела о глаголе в учебнике Шарпантье и Мариньяна показал, что его нельзя рассматривать как «совершенно дословный перевод Ломоносова»,

вопреки мнению С. Аршембо (Archaimbault 1999a: 376). Кроме того, неприемлем и противоположный взгляд на этот раздел как на результат искажения или непонимания идей М. В. Ломоносова (Rönkä 2005: 203).

3. Видовые характеристики глагола в учебном пособии Федора Васильевича Каржавина «*Remarques sur la langue russe et sur son alphabet*» (1791)

Более интересна с точки зрения развития представлений о видовых характеристиках русского глагола интерпретация ломоносовской схемы глагольных времен в «*Remarques sur la langue russe et sur son alphabet*» (Заметках о русском языке и его алфавите) Ф. В. Каржавина (Karjavine 1791). В этом учебном пособии появляется новое, отсутствующее у Ломоносова противопоставление между прошедшими временами «определенными» и «неопределенными». Выше уже указывалось, что Ломоносов также выделял неопределенные времена (он различал прошедшее неопределенное *трясь* и будущее неопределенное *буду трясти*), но он не противопоставлял их определенным временам.

Каржавин же противопоставляет прошедшее неопределенное (*le Prétérit parfait indéfini*) я *двигаль* прошедшему определенному (*le Prétérit parfait défini*) я *двинул*. Давнопрошедшее определенное (*le Plus-que-parfait défini* – давнопрошедшее второе у Ломоносова) я *бывало двигаль* противопоставляется Каржавиным давнопрошедшему неопределенному (*le Plus-que-parfait indéfini* – давнопрошедшее третье у Ломоносова) я *бывало двигиваль*. Деление времен по признаку определенности / неопределенности, несомненно, имело педагогическое значение: оно облегчало осмысление и усвоение видо-временной системы русского глагола иностранными учащимися.

Еще одна важная грамматическая особенность, отмеченная Каржавиным вслед за Ломоносовым и Мелетием Смотрицким, – это наличие в русском языке группы длительных глаголов (*verbes persévératifs*), выражающих «не только действие, но и продолжение этого действия», например, *летаю* (*je suis à voler*), *машкаю* (*je suis à tirer*), *бѣгаю* (*je suis à courir*) (Karjavine 1791: 114). «Длительные» глаголы у Каржавина соответствуют «учащательным» у Ломоносова и у Смотрицкого (Lomonosov 1952: 483; Smotrickij 1648: 183), но в отличие от Смотрицкого ни Ломоносов, ни Каржавин не соотносят прямо эту разновидность глаголов с глагольным видом. Видовые характеристики времен русского глагола, подмеченные Ломоносовым и Каржавиным, получают дальнейшее развитие в других учебниках русского языка.

4. Видовые характеристики глагола в учебниках Жана-Батиста Модрю «*Elémens raisonnés de la langue russe*» (1802) и «*Основательное сокращение российской грамматики*» (1808)

Интересными источниками, повлиявшими на формирование современных представлений о видах русского глагола, являются грамматические труды Ж.-Б. Модрю. В частности, большой интерес представляет его грамматика русского языка для французов «*Elémens raisonnés de la langue russe*», написанная по-французски

(Maudru 1802) и сразу же подвергнутая критике Н. М. Карамзиным за ошибки автора в русском языке и обилие малопонятных, «варварских» греко-латинских неологизмов в предложенной им грамматической терминологии (Karamzin 1803). Вопреки широко распространенному мнению, что понятие *aspects* применительно к видам русского глагола впервые было введено в употребление во французском переводе грамматики Н. И. Греча [Gretsch 1828: 250–255], именно в грамматике Модрю впервые по-французски появляется термин *aspects* для характеристики русских глаголов, правда, еще только в общем значении «аспекты рассмотрения глагола» (Maudru 1802, t. 1: 222–223).

Р. Ренкя полагал, что «интересные идеи Ж.-Б. Модрю оказались слишком трудными для понимания, и его система не получила дальнейшего развития» (Rönkä 2005: 209). Это не совсем так. К грамматике Модрю восходит различение основной идеи глагольного действия (*двигать*) и побочной идеи однократности в *двинуть* и «частоты действия, меньшей в [инфинитиве] *двигать* и большей в *двигивать*» (*l'idée accessoire d'une fréquence dans l'action, moins grande dans *двигать* et plus grande dans *двигивать**) (Maudru 1802, t. 1: 218). В дальнейшем эта идея будет подхвачена, хотя и без ссылок на работы Модрю, И. С. Рижским, Л.-Г. Якобом и А. В. Таппе как идея, лежащая в основе различия между временем и побочными («посторонними»), «сопряженными с ним» обстоятельствами или идеями действия (Rizhskij 1806: 67, 78; Yakob 1812, ч. 2: 63; Tappe 1810: 137).

Модрю обратил внимание на обилие в русской грамматике фреквентативов и сложных (приставочных) глаголов, составляющих своеобразие русского языка, богатого особыми формами для выражения различных оттенков мысли: «Русский язык изобилует мощными изобразительными средствами: в своих увеличительных и еще более многочисленных уменьшительных словах, в своих учащательных глаголах (*dans ses fréquentatifs*), которыми он обладает во множестве, и в своих сложных глаголах (*dans ses composés*), которые встречаются на каждом шагу, русский язык выражает целые пучки идей» (Maudru 1802, t. 1: I-II).

Примеры фреквентативных глаголов приводятся Модрю в разделе образования русского плюсквамперфекта, иногда они сопровождаются переводом на французский язык: *двигаль – двигиваль – двигать agiter (v. двигнуть), нюхаль – нюхиваль – нюхать renifler, качаль – качиваль – качать bercer, гуляль – гуливаль – гулять, шиль – шиваль – шить coudre, браню – браниваль – бранить, люблю – любливаль – любить, глажу – глаживаль – гладить lisser, борю' – барываль – бороть lutter, гложу' – глаживаль – глодать ronger, глотаю – глатываль – глотать* (Maudru 1803, t. 1: 206–207).

Примеры сложных глаголов приводятся в разделе образования русского перфекта, называемого Модрю в соответствии с французской традицией [Passé] Indéfini: *вздумаль – думать penser, возвеселиль – веселить réjouir, вспахаль – пахать labourer, вызелениль – зеленить rendre vert, здѣлаль – дѣлать faire, завладѣль – владѣть, изломаль – ломать rompre, изодраль – драть déchirer, истратиль – тратить endommager, накормиль – кормить nourrir, онѣмѣль – нѣмѣть s'engourdir, обругаль – ругать injurier, отмстиль, отомстиль – мстить venger, повелѣль – велѣть commander, свариль – варить faire cuire, совраль – врать mentir, сыскаль – сыскать chercher, утѣшилль – тѣшить consoler, успокоиль – покоить reposer* (Maudru 1802, t.1: 204–205).

По Модрю, русский глагол бывает первообразным (*primitif*) или производным (*dérivé*), простым (*simple*) или сложным (*composé*), однократным (*unifatif*) или учащательным (*fréquentatif*), начинательным (*inchoatif*) или окончательным (*absolutif*) (Maudru 1802, t. 1: 222–223). Таким образом, как и Каржавин, он стремился к построению дихотомий (бинарных противопоставлений) в системе русского глагола, облегчающих понимание его особенностей иностранными учащимися.

В трактовке времен русского глагола, начатой Модрю в «*Elémens raisonnés de la langue russe*» и продолженной в «Основательном сокращении российской грамматики», которое было написано им на русском языке (Maudru 1808), прослеживается влияние французских грамматик Никола Бозе и аббата Габриэля Жирара. Так, Модрю вслед за Бозе называет имперфект *писал* настоящим относительным (Maudru 1802, t. 1: 202; Maudru 1808: 46), а два будущих времени противопоставляет по признаку определенности / неопределенности: будущее неопределенное (так как оно произойдет в неопределенное время): *буду писать* и будущее определенное: *напишу сего дня, завтра etc.* (Maudru 1808: 46–47). Он выделяет в русском языке всего шесть времен: настоящее неотносительное (*кидаю*), настоящее относительное (*писал*), прошедшее (*написал*), прешедшее (т. е. давнопрошедшее первое, по Ломоносову), будущее неопределенное (*буду писать*) и будущее определенное (*напишу*) (Maudru 1808: 45–47).

5. Видовые характеристики глагола в анонимной «Новой российской грамматике» (1788)

Специалисты по проблемам эволюции представлений о русском виде (Shafranov 1852: 12–13, 16–17, 28–41; Krygin 1889: 403–432; Bulich 1904: 733–739; Vinogradov 1947: 477–480; Rönkä 2005: 324–369, 377–385; Klubkov 2011: 139–142) полагают, что история открытия глагольного вида в русском языке восходит к грамматикам русского языка для немцев И. С. Фатера и А. В. Таппе и к статьям А. В. Болдырева (Vater 1808; Tappe 1810; Boldyrev 1812). При этом считается, что «самый термин “вид” едва ли не под влиянием Греча утвердился в русской грамматике» (Vinogradov 1947: 481).

Вместе с тем уже в анонимной «Новой российской грамматике» (учебнике русского языка для французов), изданной в 1788 г. и основанной не на «Российской грамматике» Ломоносова, а на грамматическом очерке В. Е. Адодурова (Adodurov 1731), различавшего не десять, а всего лишь три времени русского глагола, вводится не только четкое противопоставление глаголов по двум видам в зависимости от их значения, но и сам термин «вид» как понятие, служащее для описания характера протекания глагольного действия, а не как широкое понятие словообразования (деривации) в греко-латинской грамматической традиции (*Novaya rossijskaya grammatika* 1788).

В этом учебнике в системе времен русского глагола различаются два вида – *стоящий* (*de vië immobile*) и *преходящий* (*de vië mobile*), по-французски – «подвижный» и «неподвижный», где под видом (франц. *vue*) понимается, по всей вероятности, некий взгляд на характер глагольного действия, поясняемого анонимным автором с помощью наречий *теперь* (*бросить*) и *иногда* (*бросать*).

Несмотря на то, что эти термины не соответствуют современным терминам «совершенный» и «несовершенный вид», суть видовых различий здесь схвачена автором интуитивно верно. Как тонко заметил В. В. Виноградов, «основная функция совершенного вида – ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненное мыслью о пределе процесса в целом, – основное, общее значение несовершенного вида» (Vinogradov 1947: 498).

Разумеется, понятие двух видов русского глагола, предложенное автором «Новой российской грамматики», еще далеко от современных теорий глагольного вида в русском языке. Это лишь начальный этап осмысления категории вида. По сути, понятие вида в этой новаторской грамматике основано в первую очередь на количественном противопоставлении глаголов по однократности / многократности, а не по завершенности / незавершенности действия, хотя и выражено в качественной характеристике «подвижности» / «неподвижности» (мгновенности – длительности) действия. Так, в «Новой российской грамматике» противопоставлены следующие глаголы: *плыть* – *плавать*, *быть* – *бывать*, *думать* – *думывать*, *лежать* – *леживать*, *бить* – *бивать*, *весть* – *водить*, *глянуть* – *глядеть*, *гнать* – *гонять*, *нести* – *носить* и т. д. (Novaya rossijskaja grammatika 1788: 59–67), различие между которыми в современных грамматиках объясняется различиями не вида, а способа действия.

Подобное понимание глагольного вида в «Новой российской грамматике» сопоставимо с его пониманием у Мелетия Смотрицкого, претерпевшим дальнейшее упрощение. «Стоящий вид» в «Новой российской грамматике» соответствует во многих случаях совершенному, или первообразному виду (но не всегда), а «преходящий вид» – расширенному «учащательному» виду М. Смотрицкого, различавшего в рамках производного вида еще и вид «начинательный» (Smotriskij 1648: 183), который совсем не принимается во внимание автором «Новой российской грамматики».

Кроме того, автор «Новой российской грамматики» был иностранцем, скорее всего, немцем, допускавшим ошибки как в русском, так и во французском языке. Так, от *городить* автор образует ошибочно глагол *городивать* (вместо *гораживать*), от *сердить* – странную форму *сердивать* (Novaya rossijskaja grammatika 1788: 72), совершенно не считаясь с чередованием согласных *д* – *ж* в корне глаголов.

Несмотря на многочисленные ошибки в русском языке, «Новая российская грамматика» заслуживает внимания, потому что в ней впервые традиционный для древнегреческих и латинских грамматических трактатов, но явно забытый авторами русских грамматик XVIII века термин «вид» приобретает значение характеристики глагольного действия, впервые четко различаются видовые и временные характеристики глагольного действия, при этом значительно упрощается спряжение глаголов по временам в соответствии только с двумя глагольными видами.

ДИСКУССИЯ

Специалисты по истории русской грамматической мысли, анализируя эволюцию представлений о тех или иных грамматических категориях, обычно ссылаются на научные труды и пространные грамматики русского языка. При этом они,

как правило, не рассматривают учебные грамматики, считая их вторичной по значимости продукцией, не представляющей интереса для исследователей. Они не учитывают того, что авторы учебных грамматик всегда стремились сделать грамматическую теорию более доступной для учащихся, упростить ее изложение, вычленив самое существенное в грамматических категориях русского языка, и их находки стимулировали развитие грамматической мысли.

Принципы обобщенности, непротиворечивости и простоты научных теорий соответствуют известным дидактическим принципам научности и доступности, применяемым в обучении как родному, так и иностранному языкам. Эти не только научные, но и дидактические принципы делают не просто актуальным, но в высшей степени необходимым анализ учебников грамматики того или иного языка, тем более, что в XVIII – начале XIX в. грамматическая теория развивалась прежде всего именно в них, в том числе и в учебниках, написанных иностранцами и для иностранцев.

Наиболее ярким примером того, как воспринимали и интерпретировали грамматические категории русского языка авторы учебников, созданных для иностранцев, является эволюция их взглядов на видо-временную систему русского глагола.

В этом процессе, несомненно, велика роль М. В. Ломоносова, выделившего такие видовые характеристики глагольных форм, как однократность и многократность действия, неопределенность протекания действия, совершенность и длительность действия. Хотя автор «Российской грамматики» и не представил эти видовые характеристики в противопоставлении, он заложил основы эволюции дальнейших представлений о видах русского глагола.

Авторы постломоносовских учебников и учебных пособий по русскому языку для франкоговорящих учащихся опирались на описание видовых характеристик глагола в «Российской грамматике» Ломоносова, но при этом по-своему их интерпретировали, стремясь сделать их более понятными для учащихся. Каждый из них предлагал свой вариант систематизации глагольных форм, по их мнению, наиболее доступный учащимся. Шарпантье и Мариньян делили все глагольные времена на простые и сложные, при этом используя в своем учебнике знакомую французским учащимся грамматическую терминологию. Анонимный автор «Новой российской грамматики» выделял стоящий и преходящий виды глагола. Каржавин и Модрю делили все времена по признаку определенности / неопределенности. Несомненно, все это было продиктовано педагогическими соображениями – стремлением представить в учебнике грамматики учебный материал в виде микросистем, которые содержат грамматические формы, противопоставленные по ясно различимым признакам. Педагогический опыт авторов этих грамматик свидетельствовал о том, что такого рода противопоставления легче понимаются и прочнее усваиваются учащимися.

Проведенное нами исследование показало, что представления о видах русского глагола формировались не только в учебниках русского языка для немцев И. С. Фатера и А. В. Таппе, а также в статьях А. Болдырева, но и в более ранних учебниках русского языка. Так, термин «вид» (*vue*) в новом значении характеристики глагольного действия появился в «Новой российской грамматике» 1788 г. В грамматике Ж.-Б. Модрю, наряду с термином *aspect* в общем значении «аспект

рассмотрения глагола», имеется также чрезвычайно важное представление об общей идее действия и побочной идее таких видовых характеристик глагола, как однократность и частота действия. Эти новые данные позволяют внести уточнения в историю русского языкознания.

Перспективы дальнейшей работы в области истории становления понятия вида в грамматиках русского языка связаны с изучением видовых характеристик русского глагола в постломоносовских учебниках русского языка для немцев, поляков и других категорий иностранных учащихся.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АДОДУРОВ, В. Е. (1731): *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*, в *Немецко-латинский и русский Лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатию издан*. Типография Императорской Академии наук, Санкт-Петербург.
- БОЛДЫРЕВ, А. (1812): "Рассуждение о глаголах", *Труды Общества любителей российской словесности*, II, с. 65-84.
- БУЛИЧ, С. К. (1904): *Очерк истории языкознания в России. Т. I. (XIII в. – 1825 г.)*. Типография М. Меркушева, Санкт-Петербург.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1947): *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Государственное издательство учебно-педагогической литературы (Учпедгиз), Москва – Ленинград.
- КАРАМЗИН, Н. М. (1803): "О русской грамматике француза Модрю", *Вестник Европы*, X, с. 204–212.
- КАРСКИЙ, Е. Ф. (1926): *Опыт научной разработки русского языка в пределах СССР*. Издательство Академии наук СССР, Ленинград.
- КЛУБКОВ, П. А. (2011): *Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX в.)*". *Историко-лингвистические очерки*. Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, с. 132–144.
- КЛУБКОВА, Т. В. & КЛУБКОВ, П. А. (2003): "Из истории открытия категории глагольного вида", *Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Выпуск 22. Секция общего языкознания. Ч. I. Издательство Филологического факультета СПбГУ, Санкт-Петербург, с. 18–23.
- КРЫГИН, М. (1889): "Критический обзор литературы вопроса о видах и временах русского глагола", *Гимназия (Ревель)*, XXII, 9, pp. 403–432, XXII, 10, pp. 491–520.
- ЛОМОНОСОВ, М. В. (1952): *Российская грамматика*, в Ломоносов, М. В. *Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739 – 1758 гг.* Издательство Академии наук СССР, Москва – Ленинград, с. 389-578.
- МАЗОН, А. (1958): "Вид в славянских языках (принципы и проблемы)", *IV Международный съезд славистов. Доклад, представленный французской делегацией*, Издательство Академии наук СССР, Москва, с. 31–63.
- МАСЛОВ, Ю. С. (1984): *Очерки по аспектологии*. Издательство Ленинградского ун-та, Ленинград.

- МАСЛОВ, Ю. С. (1993): "У истоков славянской аспектологии", *Из истории науки о языке. Межвузовский сборник. Памяти профессора Ю. С. Маслова*. Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, с. 21–40.
- МОДРЮ, Ж.-Б. (1808): *Основательное сокращение российской грамматики*. Университетская типография, Москва.
- НОВАЯ РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА (1788): *Новая российская грамматика. Nouvelle Grammaire Russe*. Без имени издателя, Санкт-Петербург.
- РИЖСКИЙ, И. С. (1806): *Введение в круг словесности*. Университетская типография, Харьков.
- СМОТРИЦКИЙ, М. (1648): *Грамматики Славенския правильное Синтагма*. Московский печатный двор, Москва.
- ШАФРАНОВ, С. Н. (1852): *О видах русских глаголов в синтаксическом отношении*. Университетская типография, Москва.
- ЯКОБ, Л.-Г. (1812): *Курс философии для гимназий. Часть вторая, содержащая начертание всеобщей грамматики*. Типография Императорской Академии наук, Санкт-Петербург.
- ARCHAIMBAULT, S. (1999 a) : "Les élémens de la langue russe de Jean-Baptiste Jude Charpentier (1768), ou les Français et l'apprentissage de la langue russe au XVIIIe siècle", *Sprachdiskussion und Beschreibung von Sprachen im 17. und 18. Jahrhundert*, eds. Gerda Hassler & Peter Schmitter. Nodus Publikationen, Münster, с. 371–380.
- ARCHAIMBAULT, S. (1999 b): *Préhistoire de l'aspect verbal. L'émergence de la notion dans les grammaires russes*. CNRS Editions, Paris.
- CHARPENTIER, J.-B. J. & MARIGNAN, F. de (1768): *Élémens de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage*. Imprimerie de l'Académie Impériale de Science, Saint-Petersbourg.
- GIRARD, G. (1747). *Les vrais Principes de la Langue Française*. T. 1-2. Le Breton petit-fils d'Houry, Paris.
- GRETSCH, N. (1828): *Grammaire raisonnée de la langue russe*. T. I. Imprimerie de Nicolas Gretsch, Saint-Petersbourg.
- KARJAVINE, Ph. (1791): *Remarques sur la langue russe et sur son alphabet, avec des Pièces relatives à la connoissance de cette Langue. Publiées et augmentées par Phéodore Karjavine, ancien Interprete pour le Roi à la Martinique*. Imprimerie de l'Ecole Impériale des Mines, Saint-Petersbourg.
- LOMONOSSOW, M. (1764): *Russische Grammatik. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen*. Gedruckt bey der Kayserliche Academie der Wissenschaften, St. Petersburg.
- LUBOWICZ, M. (1778): *Grammatyka rossyjska*. Drukarnia Bazyljanów, Poczajów.
- MAUDRU, J.-B. (1802): *Elémens raisonnés de la langue russe ou Principes généraux de la grammaire appliqués à la langue russe*, vol. 1. Chez l'Auteur, Courcier, Paris.
- MAZON, A. (1913): "La notion morphologique de l'aspect des verbes chez les grammairiens russes", *Mélanges offerts à Emile Picot*. E. Rahir, Paris, vol. 1, с. 343-367.
- RODDE, J. (1773): *Russische Sprachlehre zum bestem der deutschen Jugend eingerichtet von Jac. Rodde*. Bey Johann Friedrich Hartknoch, Riga.
- RÖNKÄ, R. (2005): *У истоков русской и славянской аспектологической мысли. Описание темпорально-аспектуальных систем от первых трактатов до Николая Греча и Александра Востокова*. Tampere University Press, Tampere.

- TAPPE, A. W. (1810): *Neue teoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche*. J.C. G. Hartmann, St.-Petersburg und Riga.
- VATER, I. S. (1808): *Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln*. Siegfried Lebrecht Crusius, Leipzig.
- VLASSOV, S. (2013): "Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur réception en Russie", *Вивлююика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 1, c. 75–98.

BIBLIOGRAPHY

- ADODUROV, V. E. (1731): Anfangs-Gründe der Russischen Sprache, en Nemecko-latinskij i russkij Leksikon kupno s pervymi nachalami russkogo yazyka k obshchej pol'ze pri Imperatorskoj Akademii nauk pechatiyu izdan. Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, Sankt-Peterburg.
- ARCHAIMBAULT, S. (1999 a) : "Les élémens de la langue russe de Jean-Baptiste Jude Charpentier (1768), ou les Français et l'apprentissage de la langue russe au XVIIIe siècle" en Sprachdiskussion und Beschreibung von Sprachen im 17. und 18. Jahrhundert, eds. Gerda Hassler & Peter Schmitter. Nodus Publikationen, Münster, pp. 371-380.
- ARCHAIMBAULT, S. (1999 b): Préhistoire de l'aspect verbal. L'émergence de la notion dans les grammaires russes. CNRS Editions, Paris.
- BOLDYREV, A. (1812): "Rassuzhdenie o glagolah", Trudy Obshchestva lyubitelej rossijskoj slovesnosti, II, pp. 65-84.
- BULICH S. K. (1904): Ocherk istorii yazykoznanija v Rossii. T. I. (XIII v. – 1825 g.). Tipografiya M. Merkusheva, Sankt-Peterburg.
- CHARPENTIER, J.-B. J. & MARIGNAN, F. de (1768): *Éléments de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage*. Imprimerie de l'Academie Imperial de Science, Saint-Pétersbourg.
- GRETSCH, N. (1828): *Grammaire raisonnée de la langue russe*. T. I. Imprimerie de Nicolas Gretsch, Saint-Pétersbourg,.
- KARAMZIN, N. M. (1803): "O russkoj grammatike francuza Modryu", Vestnik Evropy, X, pp. 204-212.
- KARJAVINE, Ph. (1791): *Remarques sur la langue russe et sur son alphabet, avec des Pièces relatives à la connoissance de cette Langue*. Publiées et augmentées par Phéodore Karjavine, ancien Interprete pour le Roi à la Martinique. Imprimerie de l'Ecole Impériale des Mines, Saint-Pétersbourg.
- KLUBKOV, P. A. (2011): «Formirovanie peterburgskoj tradicii lingvisticheskoi rusistiki (XVIII – nachalo XIX v.)» en Istoriko-lingvisticheskie ocherki. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Sankt-Peterburg, pp. 132-144.
- KLUBKOVA, T. V. & KLUBKOV P. A. (2003): "Iz istorii otkrytiya kategorii glagol'nogo vida" en Materialy XXXI Vserossijskoj nauchno-metodicheskoi konferencii prepodavatelej i aspirantov. Vypusk 22. Sekciya obshchego yazykoznanija. CH. I. Izd-vo Filologicheskogo fakul'teta SPbGU, Sankt-Peterburg, pp. 18 - 23.
- KRYGIN, M. (1889): "Kriticheskij obzor literatury voprosa o vidah i vremenah russkogo glagola", en Gimnaziya (Revel'), XXII, 9, pp. 403-432, XXII, 10, pp. 491-520.

- LOMONOSOV, M. V. (1952): Rossijskaya grammatika en Lomonosov, M. V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7. Trudy po filologii 1739 – 1758 gg. Izdatel'stvo AN SSSR, Moskva – Leningrad, pp. 389-578.
- MASLOV, YU. S. (1984): Oчерki po aspektologii. Izd-vo Leningradskogo un-ta, Leningrad.
- MASLOV, YU. S. (1993): “U istokov slavyanskoj aspektologii” en Iz istorii nauki o yazyke. Mezhvuzovskij sbornik. Pamyati professora YU. S. Maslova. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Sankt-Peterburg, pp. 21-40.
- MAUDRU, J.-B. (1802): Eléments raisonnés de la langue russe ou Principes généraux de la grammaire appliqués à la langue russe, vol. 1. Chez l’Auteur, Courcier, Paris.
- MAUDRU, J.-B. (1808): Osnovatel'noe sokrashchenie rossijskoj grammatiki. Universitetskaya tipografiya, Moskva.
- MAZON A. (1913): "La notion morphologique de l’aspect des verbes chez les grammairiens russes", en Mélanges offerts à Emile Picot. E. Rahir, Paris, vol. 1, pp. 343-367.
- MAZON, A. (1958): «Vid v slavyanskih yazykah (principy i problemy)», en IV Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. Doklad, predstavlenyj francuzskoj delegaciej, Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moskva, pp. 31-63.
- NOVAYA ROSSIJSKAYA GRAMMATIKA (1788): Novaya rossijskaya grammatika. Nouvelle Grammaire Russe. Bez imeni izdatelya, Sankt-Peterburg.
- RIZHSKIJ, I. S. (1806): Vvedenie v krug slovesnosti. Universitetskaya tipografiya, Har'kov.
- RÖNKÄ, R. (2005): U istokov russoj i slavyanskoj aspektologičeskoj mysli. Opisanie temporal'no-aspektual'nyh sistem ot pervyh traktatov do Nikolaya Grecha i Aleksandra Vostokova. Tampere University Press, Tampere.
- SHAFRANOV, S. N. (1852): O vidah russoj glagolov v sintaksičeskom otnošenii. Universitetskaya tipografiya, Moskva.
- SMOTRICKIJ, M. (1648): Grammatiki Slavenskiya pravilnoe Sintagma. Moskva.
- TAPPE, A. W. (1810): Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. J.C. G. Hartmann, St.-Petersburg und Riga.
- VATER, I. S. (1808): Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln. Siegfried Lebrecht Crusius, Leipzig.
- VINOGRADOV, V. V. (1947): Russkij yazyk (Grammatičeskoe učenje o slove). Učpedgiz, Moskva – Leningrad.
- YAKOB, L.-G. (1812): Kurs filosofii dlya gimnazij. Chast' vtoraya, sodержashchaya nachertanie vseobshchej grammatiki. Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, Sankt-Peterburg.